

ЖУКА ЖУКОВА

ЛЮБОВЬ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Стою у кассы в «Дикси». Кассирша мне макароны пропикивает, а я все по пакетам укладываю. Стараюсь, чтобы не тяп-ляп, а как мама учила: сначала тяжелое и твердое, сверху яички. И краем глаза вижу, что в магазин заходит Паша. Моя первая любовь.

Мне, конечно, наплевать, но я не накрашена. Вот если бы я при макияже да в платье и на каблуках — тогда да. И лучше не с авоськами, а бреду по кленовой осенней аллее, слегка покачивая бедрами. И с собакой. Вернее, с собачкой с бантиком на челке.

Но я по-прежнему в «Дикси»! Достаяю из кармана телефон и делаю вид, что очень внимательно читаю весенний спам от «М-Видео».

А Паша ко мне подходит сзади, руками закрывает глаза и говорит в шею:

— Угадай кто?!

И вот мы с Пашей болтаем, я пытаюсь бедром прикрыть торчащую из пакета пачку «Тампакс».

Паша, как назло, красавчик, он и в школе такой был. Сперва за мной ухаживал, а потом на Свете Лузиной женился. Привет, кстати, Света — длинноногая, стройная сволочь (ой, извините, автозамена на айфоне сработала), блондинка.

Как дела, то да се. Мы, говорит, только из Швеции вернулись, на лыжах катались. Ну я тоже, между прочим, по загранкам езжу — вот из Минска недавно прилетела, ну вернее, приехала на поезде.

И тут Света подходит! Она мне, знаете, тетку, жену генерала из «Москва слезам не верит» напомнила, помните, которая в прачечную к Муравьёвой пришла и костюм в бумагу попросила завернуть. Такая же вульгарная, в курдельках.

Извините, опять автозамена. Вру я. Красивая она: высокая, с белыми волосами и уклад-

кой, в пальто кашемировом и на глазах у нее — смоки айз! В четыре часа дня в «Дикси»! Но мне по-прежнему, как вы поняли, абсолютно все равно!

Света очень рада меня видеть — сколько лет, сколько зим, бла-бла-бла. Какая-то ты бледненькая, всё свои сериалы пишешь? Бедная. Неужели остались еще идиоты, которые телевизор смотрят? Господи! Прошлый век. Надо бы встретиться, может, с нами в Альпы?

И тут я выхожу из машины под руку со своим мужем — дирижером Венской оперы, к нему девицы за автографами, а он только на меня смотрит — глаз отвести не может, а я держу за руку Давидика — он только что взял Гран-при на Щелкунчике — и слежу за младшим Стёпой, он такой озорник.

Ни хрена! Я по-прежнему в «Дикси» с пакетами, с «тампаксами» и в дурацком малиновом берете. Улыбаюсь Свете и Паше — органичная пара. Когда она смеется, видно, что у нее круговая подтяжка лица. Блин, да что сегодня с айфоном? Вру опять — ничего не видно. Красивая она, как Хайди Клум, только лучше. Это

я бледная. Но мне, разумеется, по-прежнему наплевать.

А вот еще что. Подхожу к дому, а из подъезда мальчик-сосед выходит. И говорит мне: «Привет!» А он, я знаю, очень интеллигентный и воспитанный, из хорошей семьи. А мне «привет» говорит. А Свете, я уверена, сказал бы «здравствуйте». И место в трамвае уступил.



ТРУДНОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Почему нельзя по-честному? Ртом проговорить.

Открыть его, сказать «а», закрыть — открыть, сказать «я», закрыть снова, опять открыть, сказать «хочу!». И все. Это же просто.

Вместо этого она закатывает глаза. И молчит. А он не понимает, но чувствует: что-то не так.

Он открывает рот и спрашивает:

— Что-то не так? — Он-то нормальный.

С ней трудно, но объяснение есть, оно вполне логичное: она — женщина.

А она вертит головой:

— Да нет, все хорошо.— Слегка с нажимом на «хорошо», чтобы сразу стало понятно: все очень-очень нехорошо, скотина ты тупая.

И снова закатывает глаза. Ну неужели ему не ясно, что она хочет цветы и туфли. Это же так просто.

Они мимо витрины проходили, и она на них смотрела. Нет, вернее, не так. Она на них СМОТРЕЛА. Он что, слепой? Она не хочет выпрашивать, она хочет, чтобы он догадался и сделал сюрприз. СЮР-ПРИЗ! Это сложно?

И чтобы потом все девочки такие: Сам? Вот просто сам? Ты на них только глянула, а он сразу? И Сам? Господи, какая ты счастливая.

А если она скажет ему словами, это «не сам». И где тогда романтика? И ради чего все это?

А он, дурак, не догадывается о буре в голове. Примитивное создание. Да если бы не она, так бы и ходил в мятой майке и ел с пола. И менеджером не был, и кеды красные не носил бы под костюм.

Она его вдохновляет, окрыляет.. с полуслова понимает, а он... «Любимая, скажи, что не так...»

Но она не говорит. Она закатывает глаза.
А что она должна сказать? Что хочет туфли?
Не хочет она туфли! У нее их полный шкаф.
Вернее, хочет, но не в них дело. Дело совсем в другом. Вообще!

Но как все это объяснить словами?



МУЖЧИНЫ, КОТОРЫХ МЫ ВЫБИРАЕМ

У Яны новый жених. Не так давно познакомились, но, кажется, все серьезно. Она меня попросила в бар прийти и на него издали посмотреть. Глаз-алмаз со стороны. Я сразу человека раскусываю. За десять минут. Если поговорим — и того быстрее.

Я рада за нее. Первый брак был мрак. С этим ее ужасным Толиком.

Как вспомню его, тощего, в серой майке, на кухне в их однушке! Бррр... Я даже не знаю, любил ли он ее?

Точно помню, что в меркантильности подозревал и ее, и всех баб. «Глаза у всех у вас завидущие, только в кошель и смотрите. Подарки принес? Деньги есть? А тачка какая? Только хрен всем вам, а не мои деньги».

Прямо так и говорил, не всегда, когда напивался только. А трезвого я его и не помню, так что все-таки всегда.

Ему квартира в Перово досталась от бабушки. Однушка, но своя. Так что жених был что надо. Выбирать мог! Выбрал Яну.

Вот и подозревал ее, что позарилась на москвича с жилплощадью.

Она и работала, и двух детей в этой однушке растила, и мудака Толика терпела. А он жлоб-ра был, что-то умопомрачительное.

Каким-то образом умудрялся даже с ее кровно заработанных учет каждой копейки вести. Замызганная она тогда была, смотреть противно. «Девочки, вы не понимаете, у нас общий счет. Мы — семья!»

Сперва с гордостью говорила: «У нас семья!» Потом затихла — уже столько лет так живут, как систему сломать? Даже заговорить об этом страшно.

«И Толик жалкий такой стал, не могу я его сейчас попрекнуть тем, что он мало получает. Не в деньгах дело... мальчишки у нас... авторитет отца...»

И прочая эта чепушня. В пользу бедных.

Десять лет терпела, потом все равно ушла. В никуда, разумеется. Квартира получена до брака, ни на какую жилплощадь претендовать не может. Детей собрала и...

Ну вы всё знаете.

И вот новый жених.

Высокий, лет сорок пять, с сединой, но ему идет. Видный мужчина, спортивный — ни жиринки лишней.

Сидят вдвоем за столиком, вино пьют, сыр едят, смеются. Он иногда на меня посматривает с интересом, улыбается чуть хитро, в глазах морщинки. Наверное, понял, что я его оценить пришла. Я ему тоже улыбнулась, хотела было уже к ним подойти, поздороваться-разоблачиться. Но вижу — нет, не на меня смотрит. Обернулась. А за мной зеркальный столб.

И смотрит он на свое отражение. И улыбается себе, и морщинки-лучики в глазах — значит, нравится ему то, что видит.

Руку поставит под подбородок, внимательно слушает Янку, кивает, зырк в зеркало. Убрал руку. Нет, не выигрышный ракурс.

Волосы стряхнул со лба, вздохнул, зырк-зырк в зеркало, улыбнулся — вот так вот лучше.

Яна стул чуть сдвинула и загородила ему обзор. Через минуту — раз — голову поверх Янкиного плеча, шею чуть вытянул — отлично! Так даже лучше — шея внатяг, брыли подтягиваются.

Попили-поели, расплатились, домой засобирались. Я к столу их подошла и у официанта спрашиваю: «Много на чай оставил?» Тот аж рассмеялся. «Ни копейки сверху счета».

Вечером Янка будет звонить-пытать. А что мне ей сказать?



БЫВШИЙ

Эта сволочь лежал на диване. Весь наш брак, все семь лет. Приходил с работы, рюкзак кидал рядом с ботинками и заваливался на спину.

Бесился, даже когда я звала его ужинать, потому что это же нужно встать и пересесть за стол.

Он ел, не глотая, всасывал еду, как пылесос, запивал чаем и еще мерзко разбавлял зеленый пуэр холодной водой из-под крана.

И снова на диван с компьютером. И был ведь, гаденыш, несмотря ни на что, хороший. Отец неплохой, муж вполне себе.

К школе вечно подъеду на собрание, таких уродов папаш насмотрюсь, прям своему хочется подушку еще одну под спину подоткнуть, «сиди-сиди, я тут пока пошуршу по дому, я тихонько, постараюсь не отвлекать».

И даже как-то не задумывалась, таскала сумки, устраивала праздники, готовила на всю его семью, когда свекровь в гости торкало пригнать.

Она несла чушь часами, растопыривала пальцы на руках, жестикулировала и рассказывала, как несовершенен Запад, по видимому основываясь на выступлениях Задорнова. Он бесился. А я сглаживала конфликты дипломатично, чтобы и нашим и вашим.

Но в душе, конечно, радовалась, ведь он понимал, что мать его — дура, и тем ценнее становилась я.

Возможно, начни я выписывать на листочке за и против, плюсов было бы больше, но это были бы какие-то полумерные за. Ему было все равно, что есть, он меня не бил, он не пил, он не орал на сына, не зажимал зарплату, не спорил, куда ехать в отпуск, просто тяжело вздыхал и тащился туда, куда указано в билетах.

Не знаю, в общем, уйти от него было тяжело. Как будто я приручила котенка, а потом выкинула его на мороз, потому что он подрос, стал плешивым и навалил в мои «Прада».

А муж даже в «Прада» не гадил. Просто лежал и молча делал вид, что его нет. И меня нет.

И вот вчера я его встретила в переходе в метро, с ним девица молодая, волосы врасстопыр и разными цветами, за спиной рюкзаки огромные, а к ним пенки привязаны. Я чуть не упала, когда увидела. Едут на какой-то фестиваль, в палаточный городок. В палаточный городок! Да он, когда на газон у подъезда вставал, носки по шею натягивал, клещей боялся. На фестиваль! И рот до ушей.

Скотина, я целый год переживала, ночью просыпалась от ужаса, представляла, что он там один висит в нашей квартире на люстре и слегка покачивается на сквозняке, язык вывалился, глаза стеклянные. А ведь ему нельзя на сквозняке.

Я так себя и не простила за эти наши семь лет брака — за то, что терпела, за то, что ушла.

А вчера такая злость накатила! На фестиваль! Под гитару петь с молодыми девками. А мне за семь лет ни-че-го. Собака!

Зря я его отпустила, надо было до конца его дней с ним проколупаться. Хрен этой девке, а не он.

Пусть лучше сгнил бы на нашем диване.



МЕЧТЫ • РЕАЛИИ

У подруги выросла дочь. Недавно ее на первое свидание собирали. Носились по всей квартире, спорили — спортивное или классику.

Расспрашивали, конечно, про парня: кто родители, о чем разговаривать будут, куда пойдут. Наташка вертелась перед зеркалом, морщилась, стягивала майку и тянулась за другой — событие нештучное. Папа банкир, мама танцовщица, болтать будут про все-все, пойдут в кафе.

Я у нее спрашиваю — а вот если он заплатить предложит, ты как отреагируешь? Позволишь? Возмутишься? Напополам? Интересно же, как там у них сейчас принято.

Наташка удивленно на меня посмотрела и говорит — конечно, мужчина должен платить, а кто же?

Пристыдила меня, потому что, ну правда, чего вокруг ходить, — а кто же?

В общем, она ушла, а мы вспоминать стали, сперва про наших мам поговорили, про тех, кто: «А вот он тебе сперва букет и конфет коробку, а потом скажет — платить изволь за подарки мои щедрые. А ты ему что? Цветочек свой аленький вынуждена будешь отдать». Поржали.

Потом вспоминали парней. Илюша был, в кафе сидим — выпиваем, весело всем, Илья